

Неюбилейное объяснение в любви

Никите Михалкову,
актеру, режиссеру,
человеку, юбиляру

Валерий ТУРОВСКИЙ,
«Известия»

Жизнь и годы не красят даже красавцев. Даже тех, кто лукаво смотрел на своих ровесников с обложки журнала «Советский экран» тридцатилетней давности. Друг наш Колька из легендарного фильма Георгия Данелия «Я шагаю по Москве» действительно на долгие годы стал другом всего того поколения, которое опоздало родиться шестидесятниками.

В кинематограф он ворвался с парадного подъезда. Никаких звонков и блатов. Фамилия автора гимна Советского Союза открывала, настехь распахивала двери во все места. Даже в Советскую Армию, в которую загремел от звонка до звонка. А то обстоятельство, что первая же строка написанного отцом гимна СССР — «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь» — нарушала статью Конституции СССР о праве свободного выхода из состава СССР, никогда не заботило и не занимало младшего сына. Потому что, живя в дворянском гнезде, можно было себе позволить еще одну невинную роскошь: не обращать никакого специального внимания на то странное пространство, именовавшееся уродливой аббревиатурой.

Баловень судьбы, везунок, джентльмен удачи, победитель — все это зачтется Никите Михалкову, ничто не забудется. Когда он неожиданно для всех и для себя, может быть, в первую очередь, пустился на режиссерский дебют, он сам себя подставил, поставив в ложное положение своего среди чужих и чужого среди своих. Гул одобрения легко заглушался гулом негодования.

И так было все двенадцать раз, со всеми его двенадцатью режиссерскими постановками. Восторги и злоба, упоение и умолчание, профессиональный анализ и безграмотные укоры. Михалков не замечал или делал вид, что не замечает, ни хулу, ни похвалу, приемля их равнодушно. По крайней мере ни разу не унижил себя выяснениями отношений со своими недоброжелательными обидчиками.

Разве что прорвало его после прошлогоднего Каннского кинофестиваля, но всю свою обиду и горечь изливал уже в своем Отечестве и на своих соотечественников. Степень этой обиды и горечи, ее обоснованность можно было понять и оценить, когда на кассетах появился фильм Квентина Тарантино «Криминальное чти-

во», которому в ольшей степени приличествует другой перевод названия — «Макулатура». Не то было досадно Михалкову, что спесивый и надменный в своей провинциальности Каннский фестиваль присудил Золотую пальмовую ветвь не его картине «Утомленные солнцем». А то было досадно, что присудили ее картине, каких на 100 приходится 99.

А Канну он еще покажет своего Оскара.

Ретроспектива михалковских фильмов, завершающаяся на канале ОРТ, с окончательной для меня очевидностью доказала, что его режиссерское мастерство, его режиссерская выдумка просто неисчерпаемы. Виденные ранее по два-три раза фильмы при третьем-четвертом их просмотре все время открывали что-то новое, которое в то время, при тех обстоятельствах почему-то не замечалось, не откладывалось в памяти. И ладно бы это касалось картин, которые подзабыл. Но это касалось картин, которые, как по наивности казалось, помнил до единого кадра.

Чего стоит один только финал «Нескольких дней из жизни И.И.Обломова», когда радостный детский крик «Маменька приехала!» сливается с дивной красоты арией *Costa diva*. И вдруг эту гармонию радости, красоты, дива, цвета, света начнет исподволь пронизывать встречающая, перпендикулярная, тревожная, гениальная музыкальная тема Эдуарда Артемьева. И тогда понимаешь, что эти радость, красота, диво, цвет, свет пожухнут в шаткости северного русского лета и зыбкости русской таежной жизни.

«Ну, конечно, он набирает в свои фильмы лучших актеров, первачей, вот тебе и половина успеха». Но, во-первых, Михалков не подписывался и не обязывался работать с худшими актерами. А во-вторых, где, как не в его фильмах, лучшие из лучших наших актеров сыграли лучшие из лучших свои роли? Юрий Богатырев и Александр Калягин в «Свой среди чужих...» и «Неоконченной пьесе...», Людмила Гурченко и Станислав Любшин в «Пяти вечерах», Олег Табаков в «Нескольких днях из жизни И.И.Обломова», Нонна Мордюкова в «Родне», Ирина Купченко и Михаил Ульянов в «Без свидетелей», Олег Меньшиков и Авангард Леонтьев в «Утомленных солнцем».

Никто так сильно не ошибается на свой собственный счет, как собственно художник. Человек бесконечно талантливый, увлекающийся, а оттого чем-то существенным и пробрасывающийся, Михалков, изучив и познав политику искусства, стал интересоваться искусством политики. Никто, кроме Бога, здесь ему не судья. Просто в день его пятидесятилетнего юбилея хочется поделиться подозрением, что единственно своими замечательными фильмами войдет, уже вошел он в историю русского кино, русской культуры и в русскую историю вообще. Переменчивая же русская политика имеет обыкновение очень скоро забывать самых честных и самых искренних своих деятелей. Именно таких — самых честных и самых искренних.

Известия. — 1995. — 21 окт. — с. 5.